

Шадже А.Ю. 2014. Влияние социокультурных рисков на идентификационные процессы. — *Социально-гуманитарные знания*. № 4. С. 300-309.

Шадже А.Ю., Куква Е.С., Хацац А.А. 2013. Влияние сетевых практик на идентификационные процессы в молодежной среде в условиях социокультурных рисков. — *European Social Science Journal*. № 5. С. 230-236.

Штомпка П. 1996. *Социология социальных изменений*. М.: Аспект-Пресс. 418 с.

Яницкий О.Н. 2014. Модернизация России и региональные проблемы в условиях новых глобальных вызовов и угроз. — *Официальный сайт Института социологии РАН. Блог О. Яницкого*. Доступ: www.isras.ru/blog_yan_68.html (проверено 10.11.2014).

Giddens A. 1999. Lecture 3, 24 Nov. — *The Director's Lecture. Ranaway World: The Peith Lectures revisited*. URL: <http://www.bbc.co.uk/radio4/reith1999/lecture3.shtml> (accessed 10.11.2014).

KUKVA Elena Sergeevna, *Cand.Sci. (Soc.)*, *Scientific Secretary of the Research Institute for Complex Problems, Adygea State University (Pervomayskaya str., 208, Majkop, Russia, 385000; kukva@rambler.ru)*

THE NORTH CAUCASUS REGION AS A SPACE OF SOCIO-CULTURAL RISKS

Abstract. *The article analyzes the social and cultural space in the North Caucasus region. One of the key problems here is the interaction of the traditional and modern transformations. The author examines their relationship through the prism of the socio-cultural risks. Identification processes as a significant component of socio-cultural space of the region are discussed in the context of their adaptive capacities to social risks. One of the visible prospects of overcoming them on the North Caucasus is preservation of dialogue on the basis of the regional and all-Russian values and strengthening of the Russian identity.*

Keywords: *socio-cultural space, socio-cultural risks, identification processes, North Caucasus*

ЭМИРОВ Рашид Маратович — *к.полит.н., сотрудник правоохранительных органов (donna@front.ru)*

ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ КАВКАЗА И СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Аннотация. *В статье дается анализ одного из малоизученных в российской политической науке аспектов проблемы влияния, оказываемого диаспорами северокавказских народов в странах Ближнего Востока на взаимоотношения двух регионов. Обосновывается тезис, согласно которому после распада СССР и двухполюсного миропорядка создались благоприятные условия для восстановления связей диаспор северокавказских народов со своими материнскими этносами на исторической родине. Это свою очередь внесло определенный вклад в развитие связей национальных республик Северного Кавказа с соответствующими странами Ближнего Востока. В качестве наглядного примера, свидетельствующего об обоснованности данного тезиса, приводятся расширение и укрепление связей Чеченской Республики с рядом этих стран.*

Ключевые слова: *Северный Кавказ, Ближний Восток, народ, диаспора, республика, политика, геополитика, отношения*

Кавказ в целом и Ближний Восток представляют собой регионы, которые характеризуются весьма сложным переплетением множества факторов, затрудняющих выявление критериев определения сколько-нибудь четко фиксированных границ конкретной этнонациональной общности. Одна из особенностей этих регионов состоит в том, что они населены множеством народов, принадлежащих к различным этнокультурным и языковым семьям или группам, а также к различным кон-

фессиям. Поэтому этнополитическое пространство Северного Кавказа не заканчивается на южной государственной границе Российской Федерации или северной границе закавказских государств, а простирается на территорию Азербайджана и Грузии и дальше — на страны Ближнего и Среднего Востока. Благодаря диаспорам народов Кавказа в Турции, Сирии, Иордании, Иране, социокультурное и этнонациональное пространство Кавказа более или менее тесно смыкается с геополитическим пространством Ближнего и Среднего Востока. В силу этого этим регионам присущи некоторые общие характеристики, которые служат основой для тесной взаимосвязи этнополитики с геополитикой.

Этногеополитическое пространство включает такие компоненты, как этнический состав населения, демографические составляющие различных этносов, система их взаимоотношений, компактность или/и дисперсность расселения и др. Этнонациональная составляющая геополитического пространства приобретает особую актуальность и значимость в тех случаях, когда она становится источником разного рода противоречий и конфликтов, способных превратиться в более или менее серьезную угрозу национальной безопасности и государственному единству. Речь идет, прежде всего, о странах, населенных компактно расселенными диаспорами разделенных народов, таких как Ирак, Иран, Турция. Можно утверждать, что почти каждая из этих стран имеет собственные проблемы, связанные с национальными меньшинствами, многие десятилетия время от времени существенно осложняющие внутривнутриполитическую ситуацию в этих странах.

Эти противоречия и конфликты порой приобретают межгосударственный характер. Здесь завязаны узлы трудноразрешимых в обозримой перспективе этнонациональных противоречий, имеющих множество аспектов — исторический, политический, религиозный, культурный, территориальный, социально-экономический и т.д. Многие территории, представляющие собой потенциальные очаги конфликтов, содержат скрытую и открытую напряженность в отношениях между этническими общностями, открыто выражают разного рода претензии друг к другу — территориального и иного характера. Этим во многом объясняется тот факт, что результатом распада СССР и двухполюсного миропорядка стало возрождение на огромном евразийском пространстве — от Балкан до Афганистана — дремавших до сих пор этнонациональных, конфессиональных, территориальных и иных конфликтов.

То же самое верно и по отношению к Ближнему Востоку. Здесь показателен пример курдского народа, разделенного государственными границами между Турцией, Ираном, Сирией и Ираком. Каждый раз обострение социального и политического положения в южных населенных курдами вилайетах Турции неизбежно отражается на других трех государствах, в которых на граничащих с ней территориях компактно проживают курды. Не раз бывало так, что под предлогом преследования курдских боевиков турецкие воинские подразделения вторгались на территорию Ирака.

При определенных условиях такое же положение может сложиться на границе Ирана с Азербайджаном, что, во всяком случае косвенно, отразится и на Российской Федерации, где проживают сотни тысяч, а возможно и миллионы азербайджанцев. Речь идет о том, что с распадом СССР на поверхность вышли, казалось бы, давно решенные проблемы разделенного азербайджанского народа. Более того, некоторые общественно-политические круги Азербайджана подспудно и даже открыто поддерживают политику западных стран в отношении южного соседа. Как отмечалось на одном из интернетовских сайтов, «смириться с существованием на Среднем Востоке иранского агрессивного муллократического режима Вашингтон более не намерен, силовая акция представляется многим небесспорной, и вполне логично, что демонтаж иранской муллократии изнутри, пусть и на фоне морально-политической поддержки иранской оппозиции, многим кажется наиболее предпочтительным вариантом»¹.

Считается, что не без влияния Турции в иранском Азербайджане среди местной

¹ Иранская игра «без правил». Готов ли к ней Азербайджан? 2006. 24 авг. — *Газета СНГ*. Доступ: www.gazetasng.ru/ <http://www.echo-az.com>

интеллигенции наблюдается рост пантюркистских настроений. Такие настроения особенно заметны в азербайджанских землячествах в зарубежных, прежде всего западных, странах. Поэтому объектом пристального внимания иранского руководства является азербайджанский национализм. И действительно, фактом является то, что отдельные азербайджанские государственные и политические деятели время от времени выступают с требованиями объединения Северного и Южного Азербайджана. По сообщениям СМИ, в Азербайджане действуют отдельные эмигрантские группировки, выступающие против нынешних тегеранских властей. Со своей стороны Азербайджан обвиняет Иран в поддержке оппозиционных сил.

Для Азербайджана актуально также наличие узла напряженности в районе северной границы, где в результате распада СССР лезгинский, аварский и рутульский этносы оказались разделенными государственными границами между Россией и Азербайджаном; для Грузии – конфликтогенных ситуаций в Южной Осетии и Абхазии, а при неблагоприятном стечении обстоятельств – Квемо-Картли и Самцхе-Джавахети.

Эти и множество других связанных с ними факторов свидетельствуют о том, что этнонациональный вопрос является одним из ключевых для сохранения единства Ирака, Турции, Ирана, равно как Азербайджана и Грузии, обеспечения социальной и политической стабильности во всем Кавказско-Ближневосточном регионе. Они объективно обуславливают взаимную заинтересованность как Москвы, так и закавказских и ближневосточных государств в ослаблении и претворении межэтнических конфликтов во всем Кавказско-Ближневосточном регионе. Анализ реального положения вещей показывает, что большинство стран этого региона могут существовать только как государства межнационального консенсуса. Поэтому их политики должны находиться в постоянном поиске компромисса, приемлемого для всех составляющих их национально-этнических групп. Однако еще не все политические деятели Кавказа, как новых государств Закавказья, так и северокавказских республик России, а также Турции в полной мере сознают эту истину.

С рассматриваемой точки зрения несомненный интерес представляет повышенное внимание политических кругов Турции к северокавказским народам, рассматриваемых в контексте пантюркистской доктрины, хотя большая их часть не принадлежит к числу тюркских народов. Определенную роль в своих планах эти круги отводят диаспорам северокавказских народов. Здесь важно учесть, что мусульманские народы России в большинстве своем являются представителями тюркского мира. Идея мусульманской солидарности, «единства в вере» в их сознании тесно переплеталась с осознанием родственности тюркских народов, общности их исторических судеб. В этом контексте возникло понятие «пантюранизм», относящееся к суперэтнической так называемой туранской общности, занимающей огромные пространства от современной Турции до Саян, которая рассматривается как прародина туранских народностей, к которым причислялись все этносы урало-алтайской языковой семьи. При этом тюркский мир мыслился как ось этого обширного Турана, соответственно, пантюркизм выступал как концентрированное выражение более широкого и более расплывчатого пантюранизма [Червонная 2003].

Восходящая своими корнями к временам Османской империи теория панисламизма после распада СССР пережила как бы новое рождение. Независимость Азербайджана, Казахстана, Туркмении, Узбекистана и Киргизии, казалось, открыла путь к объединению всех тюркских народов, включая тюркоязычное население России. Один из идеологов пантюркизма А. Туркеш, например, утверждал: «...крайне важно создать условия для сближения Азербайджана и Грузии, наладить отношения с Дагестаном, с северокавказскими народами, найти точку соприкосновения с Арменией и сделать, таким образом, первый шаг на пути создания Кавказской конфедерации» [Хазар 1992: 72].

В 1992 г. в Анкаре при непосредственном содействии турецких официальных кругов был организован весьма представительный конгресс тюркологов, для участия в котором приглашались также специалисты из российских автономий и бывших

республик СССР. На этой встрече обсуждалась идея о том, что «обширное тюркское сообщество Туран на Кавказе и в Средней Азии должно объединиться под руководством Турции». Для убедительности, в частности, приводилось и «историческое обоснование», в котором Турция изображалась как традиционная «заступница горцев» [Пау 1996: 200]. В качестве неоспоримого доказательства приводилось явление махаджирства, т.е. переселения горцев в пределы Османской империи, наметившееся при завершении Кавказской войны 1817–1864 гг., вина за которое якобы всецело лежит на России.

При всем сказанном касательно тюркских народов Северного Кавказа следует отметить, что, по мнению многих исследователей, в формировании их антропологических, национально-исторических и этнокультурных составляющих ключевая роль принадлежала собственно кавказскому фактору. Во всяком случае, как показывают антропологические параметры этих народов, они, безусловно, являются представителями кавказского типа, т.е. если даже они и являются пришельцами, то полностью стали автохтонным народом, сохранившим или принявшим в силу тех или иных причин тюркский язык. Это тюрко-кавказский этноязыковой синтез в повседневной жизни никак не сказывается на характере их взаимоотношений с представителями других народов Кавказа. Некоторые исследователи даже полагают, что кумыки ранее были кавказоязычным народом, который перенял во время половецкого нашествия на Северный Кавказ тюркский язык.

Что касается диаспор кавказских народов в странах Ближнего Востока, то в силу самых разных причин они оказались оторванными от исторической родины и материнских этносов. С распадом СССР и двухполюсного миропорядка открылась еще одна практически закрытая граница между диаспорами кавказских народов в странах Ближнего и Среднего Востока, с одной стороны, и с их исторической родиной в лице новых постсоветских независимых государств, в т.ч. Российской Федерации, – с другой. На протяжении всего постсоветского периода наблюдалась все более расширяющаяся тенденция к активизации связей кавказских народов со своими диаспорами на Ближнем и Среднем Востоке. Преодолевая существующие трудности и противоречия, лидеры зарубежных национальных диаспор поддерживают стремление своих соплеменников на Кавказе к возрождению национально-культурных традиций, языка, восстановлению исторической памяти и т.д., оказывая им разнообразную материальную и моральную поддержку.

В настоящее время особенно широкие связи с ближневосточной чеченской диаспорой осуществляет руководство Чеченской Республики. Этому в значительной степени способствуют все более расширяющиеся связи республики с мусульманскими государствами региона. Симптоматично, что в январе 2004 г., спустя всего лишь 2 месяца после вступления в должность президента, Ахмат-Хаджи Кадыров отправился с визитом в Саудовскую Аравию, руководству которой было заявлено, что Чечня может стать связующим звеном в российско-саудовских связях. Рамзан Кадыров продолжил инициативу своего отца и в этом направлении достиг довольно заметных успехов. В 2010 г. он принял участие в церемонии омовения Каабы в Мекке. В последующие годы Кадыров совершил визиты в целый ряд стран Ближнего Востока и Персидского залива, встречался с королем Саудовской Аравии Абдаллой ибн Абдель Азизом, королем Иордании Абдаллой II, два раза – с лидером Палестины Махмудом Аббасом и множеством государственных и политических деятелей региона. В свою очередь король Иордании Абдалла II по личному приглашению Кадырова в июне 2014 г. посетил Чеченскую Республику с краткосрочным дружественным визитом. О характере отношений между двумя руководителями говорит тот факт, что в Чеченской Республике имена короля Иордании Абдаллы II и его отца Хусейна бен Талала носят парк и улица в Грозном. Парк и улица в городе Аммане носят имена Ахмата-Хаджи и Рамзана Кадыровых. В ноябре 2013 г. Кадыров совершил турне по ОАЭ, Иордании, Бахрейну и Саудовской Аравии с целью привлечь капиталы для новых инвестиционных проектов¹.

¹ Россия использует Чечню как дверь на Ближний Восток. Доступ: <http://kavkasia.net/Russia/2014/1390106506.php>

Постепенно налаживаются отношения адыго-черкесских народов Северного Кавказа с их диаспорами в ближневосточных странах. В этом контексте обращает на себя внимание актуализация так называемого черкесского вопроса, которая вышла на северокавказскую политическую арену с середины 80-х гг. прошлого века. Всплеск интереса к данному вопросу наблюдался одновременно как в России, так и за рубежом. В мае 1991 г. в Нальчике прошел I Всемирный адыгский конгресс, в котором участвовали представители как северокавказских народов адыгской группы, так и их зарубежных диаспор. На нем была принята декларация, в которой, в частности, содержалось заявление о создании Всемирной черкесской ассоциации, призванной способствовать расширению и укреплению связей, развитию отношений зарубежных диаспор, прежде всего в странах Ближнего Востока, с материнскими этносами Северного Кавказа. С тех пор взаимоотношения между сообществами адыго-черкесских народов развивались по восходящей. В республиках Северного Кавказа принимаются меры по репатриации желающих переселиться на историческую родину представителей северокавказских диаспор. Но на этом пути пока что весьма трудно преодолевается множество объективных и субъективных барьеров экономического, политического, морально-психологического, правового, чисто бюрократического и иного характера.

В этой связи нельзя не затронуть еще один аспект данной проблемы. Во время двух чеченских войн чеченские полевые командиры находили поддержку в Турции и в ряде стран Ближнего Востока и Персидского залива. По имеющимся данным, представители некоторых северокавказских диаспор в ближневосточных странах принимали участие в этнонациональных конфликтах на Кавказе, прежде всего в двух чеченских и грузино-абхазской войнах. Известно также, что чеченские диаспоры за рубежом собирали средства для помощи своим соплеменникам на исторической родине. В этом плане немаловажную роль играли эмиссары из Чечни и создаваемые для этой цели разного рода благотворительные фонды. В некоторых странах, например в Турции, этим занимались совершенно легально члены бывшего дудаевского правительства, которые обосновались в Стамбуле и ряде других турецких городов. Активную роль играл «министр иностранных дел» продудаевской Чечни подданный Иордании Шемсеттин Юсуф. После начала первой чеченской войны в декабре 1994 г. Дудаев назначил его главой внешнеполитического ведомства. Юсуф объездил многие страны Ближнего и Среднего Востока, в т.ч. Саудовскую Аравию, Кувейт, ОАЭ, для сбора денежных средств для чеченских повстанцев. В Турции был создан центр северокавказской диаспоры «Кавказское общество», который действовал нелегально. Им оказывали содействие представители азербайджанского молодежного движения «Серые волки», близко связанного с аналогичной турецкой организацией.

Поэтому было бы не совсем корректно изображать взаимоотношения между северокавказскими народами и их диаспорами на Ближнем Востоке исключительно в розовом свете. В этой сфере существуют сложные проблемы, для решения которых требуются коллективные усилия, воля и время.

Список литературы

- Журнал «Хазар»*. Баку. 1992. № 4.
Пау Ф., де. 1996. Политика Турции в Закавказье. — *Спорные границы на Кавказе* (под ред. Б. Коппитерса). М.: Весь Мир.
Червонная С. 2003. Пантюркизм и панисламизм в российской истории. — *Отечественные записки*. № 5. Доступ: <http://www.strana-oz.ru/2003/5/pantyurkizm-i-panislamizm-v-rossiyskoy-istorii/>

EMIROV Rashid Maratovich, *Cand.Sci.(Pol.Sci.)*, officer of the Law Enforcement Agencies (*donna@front.ru*)

ETHNO-NATIONAL FACTOR OF THE RELATIONSHIPS BETWEEN THE CAUCASUS AND THE MIDDLE EAST STATES

Abstract. *The article provides the analysis of the question, which is not studied enough in the Russian political science. The article is devoted to the study of some aspects of the influence of the Caucasian diasporas, living in the Middle East, on the relations between two regions. The article provides the thesis that after the collapse of the USSR and the bipolar order one could find the favorable conditions for the restoring of the diasporas' ties with maternal ethnic groups in their historic homeland. And these conditions have contributed to the development of the ties of the national republics of the North Caucasus with the states of the Middle East. In order to illustrate this thesis the author used the example of the Chechen diaspora, and the expansion and strengthening ties of the Chechen Republic with many Middle East states.*

Keywords: *North Caucasus, Middle East, people, diaspora, republic, politics, geopolitics, relations*

БУРОВА Анна Николаевна – аспирант кафедры современного Востока Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) (125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., 6; *burova-denyak@mail.ru*)

ХОДУНОВ Александр Сергеевич – аспирант кафедры современного Востока РГГУ (*nalim13s@mail.ru*)

ФАКТОРЫ И ДИНАМИКА ПОДДЕРЖКИ ИСЛАМСКОГО РЕЖИМА В ИРАНЕ

Аннотация. *В статье анализируются особенности иранского политического режима, основанного на исламе, уровень и динамика религиозности населения и степень поддержки режима в современном Иране.*

Ключевые слова: *Исламская республика Иран, религиозность, теократия, шиизм, рахбар, секуляризация, модернизационные процессы, молодежь*

Иран – одна из немногих стран в мире, непосредственно управляемых духовенством. С 1979 г. у власти в Иране находится режим, действующий в полном соответствии с религией, и все принимаемые законы подвергаются проверке на соответствие исламским нормам. Имеет место тотальная исламизация общества, прежде всего политической сферы [Сюкияйнен 1986: 102]. Представляется интересным рассмотреть уровень религиозности в иранском обществе, особенно среди молодежи, его динамику, а также отношение иранцев к правящему исламскому режиму.

Поскольку главным принципом государственной религии Ирана – шиизма джафаритского толка – является система религиозного наставничества, или «марджаат», то представляется важным рассмотреть его влияние в иранском обществе. Одним из основополагающих понятий в шиитском исламе является «марджа ат-таклид». Этому статусу удостоиваются исламские правоведы, достигшие высшей степени иджтихада (религиозного знания) и имеющие право выносить фетву – религиозное решение, обязательное для исполнения. Каждый шиит по достижении исламского совершеннолетия должен выбрать религиозного наставника, взглядам которого он следует по всем религиозным вопросам.

По Конституции Ирана главным и наиболее авторитетным марджа ат-таклидом является глава государства – рахбар. Его власть основывается на принципе «веляяте-факих» (правление наиболее авторитетного богослова). Рахбар определяет общее направление развития страны, внутреннюю и внешнюю политику, назначает руководителей силовых ведомств, теле- и радиоканалов, а также половину Совета стра-